

Художественное своеобразие повести "Собачье сердце" Михаила Булгакова

Tomiša, Maja

Undergraduate thesis / Završni rad

2020

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:299518>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-07-11**



Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)



Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za rusku književnost

Završni rad

***ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ “СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ” МИХАИЛА
БУЛГАКОВА***

Studentica: Maja Tomiša

Mentor: dr. sc. Ivana Peruško Vindakijević, doc.

Ak. god.: 2019/2020.

U Zagrebu, 3. rujna 2020.

Содержание

1. Введение	3
2. Художественное своеобразие прозы Михаила Булгакова	4
2.1 <i>Актуальность булгаковской прозы</i>	4
2.2 <i>Булгаковские герои</i>	5
3. Жанровая проблема повести <i>Собачье сердце</i>	7
3.1 <i>Сатирическая повесть</i>	7
3.2 <i>Социально-философская повесть</i>	10
3.3 <i>Фантастическая повесть</i>	12
4. Заключение	13
5. Литература	14

1. Введение

Данная работа посвящена повести Михаила А. Булгакова *Собачье сердце*. Она исследует художественное своеобразие повести, а главная цель первой части курсовой работы – указать на многослойность этого произведения, подчеркивая его актуальность и систему персонажей. Цель второй части работы – выявить жанровое своеобразие повести, которая определяется и как сатирическая повесть, и как социально-философская повесть, и как фантастическая повесть. Особенности той или иной жанровой системы обусловлены нестандартными сочетаниями и приемами.

Повесть *Собачье сердце* анализирована на основе исследований выдающихся российских булгаковедов (Е. Яблоков, С. Садыхова, П. Горохов), которые занимаются изучением разнообразных аспектов художественной прозы М. Булгакова.

Работа состоит из введения, пяти глав, посвященных анализу, заключения и списка использованной литературы. Первая глава посвящена проблеме актуальности в поэтике Булгакова. Во второй главе описывается система булгаковских героев в повести *Собачье сердце*. В третьей главе исследуются сатирические аспекты повести. Политической сатире будет посвящено особое внимание в работе. Четвертая глава посвящена социально-философскому пласту произведения, пока в пятой главе рассматривается роль фантастики, фантастического реализма и фантасмагории в повести.

2. Художественное своеобразие прозы Михаила Булгакова

2.1 Актуальность булгаковской прозы

Несмотря на разнородность булгаковских тем, исследователи подчеркивают, что все произведения Булгакова обладают определенным политическим подтекстом. По такому принципу произведение Булгакова трактует С. Иоффе в своей статье *Тайнопись в "Собачьем сердце"*. Повседневная жизнь является одним из важнейших аспектов творчества Булгакова. Его фельетоны, рассказы, повести, пьесы и романы – все они насыщены советским бытом.

Булгаков писал об актуальных событиях, которые происходили в его время и это создало своеобразную непосредственность между текстом и читателем, даже несколько десятилетий после того, как произведения были написанными. Ирина Шилова пишет, что Булгаков использовал события, о которых читал в газетах для создания определенных сцен в *Собачьем сердце* (Шилова 2005). Такие действительно случившиеся ситуации укрепляют реалистичность его текста, а способ их описания и внесения в художественное произведение зависит от жанра, которому оно принадлежит. Подчеркивая абсурдность новой политической и классовой ситуаций 1920-х годов, политическая тема превращается в сатиру.

Примером такой ситуации является уплотнение и уничтожение частной собственности в повести *Собачье сердце*, т.е. попытка Швондера официальным путем разделить комнаты квартиры профессора Преображенского, превратить частный дом в коммунальную квартиру. Евгений Яблоков в этом видит нарушение “сакрального уровня бытия” известного профессора (Яблоков 2001: 15). Мотив и архетип дома разрушен новым законом, а Преображенский старается снова создать (собственный) “очаг”, пренебрегая закон насмешкой:

– В спальне принимать пищу, – заговорил он придушенным голосом, – в смотровой – читать, в приемной – одеваться, оперировать – в комнате прислуги, а в столовой – осматривать? Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть... Но я не Айседора Дункан!! – вдруг рявкнул он, и багровость его стала желтой. – Я буду обедать в столовой, а оперировать в операционной! Передайте это общему собранию, и покорнейше прошу вас вернуться к вашим

делам, а мне предоставить возможность принять пищу там, где ее принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской (Булгаков, эл. публ.).

Разрушение дома – мотив, который, кроме в *Собащем сердце*, встречается в рассказах *Самогонное озеро* и *Ханский огонь*. В первом рассказе нарушение происходит из навязанного сожительства людей, которые никак не могут жить вместе – именно в такой же ситуации находятся Шариков и профессор Преображенский в повести *Собащее сердце*. Дом в *Ханском огне* и дом Преображенского являются примерами разрушения нового порядка и времени и поэтому Яблоков пришел к выводу: “Исторический катаклизм уже совершился, и в обоих случаях подчеркивается та непостижимая ментальность, с которой вчера еще живая культура сегодня стала безжизненными руинами” (Яблоков 2001: 26). Кроме времени, дома разрушает огонь (в *Ханском огне*), который считается библейским мотивом у Булгакова, а в *Собащем сердце* наводнение ванной комнаты, т.е. своеобразный потоп. Но оба мотива прошли процесс десакрализации, потому что Булгаков помещает их в сатиру.

Актуальная действительность в произведениях Булгакова подразумевает и все события вокруг Октябрьской революции, Гражданской войны, т.е. все изменения в политической и бытовой жизни каждого человека. Иными словами, “кризис культуры” (Яблоков 2001: 14). Нередко это значит, что Булгаков выражает собственный опыт и описывает ситуации, которые напоминают ситуации из его личной жизни. Хорошим примером является мотив врача и медицины в его творчестве. Главный герой повести *Собащее сердце* является врачом, но это не просто автобиографический мотив, потому что к созданию произведений автор “подходит с богатым литературным багажом и большим жизненным опытом” (Садыхова 2007: 44).

2.2 Булгаковские герои

Автобиографические мотивы вошли в произведения вместе с событиями из газет и они расширяют и укрепляют реалистический фон повести. Чаще всего, их можно узнать в характерах героев и решениях, которые применяют в определенных ситуациях: “Для мироощущения писателя и его героев весьма характерно состояние экзистенциального распутия” (Яблоков 2001: 32). Это значит, что у них сложная мотивация и речь идет не

только о типах героев, а о психологизации каждого из них и либо разъяснения их поступков, либо движении к новому состоянию (Яблоков 2001).

Профессор Преображенский как представитель старой культуры и интеллигенции берет на себя роль творца (библейский мотив) и находится в коллизии “вечности” и “времени”. Другими словами, Преображенский старается сделать первый шаг к лучшему будущему, он старается вписать свое имя в историю навсегда (Яблоков 2001). Но профессор не остался ослепленным результатом своего эксперимента, когда он увидел, что из этого не произойдет ничто хорошее. Преображенский принимает ответственность за Шарикова и исправляет свою ошибку, если профессор не смог улучшить общество своим экспериментом, то не хочет ни ухудшить его: “Биологическое обновление отрицается во имя духовного прогресса, заметим, что в основе сюжетов булгаковских повестей *Роковые яйца* и *Собачье сердце* лежит та же самая коллизия: хирургия vs. культура (искусственное vs. естественное)” (Яблоков 2001: 57). Такое отношение к интеллигенции заметила и Садыхова: “Отдавая должное талантливым ученым, Булгаков считал, что тем большая ответственность ложится на них за результаты научных открытий и их конкретное использование” (Садыхова 2007: 45).

Долг человечеству профессора Преображенского можно трактовать как часть перемены общественного устройства и как роль писателя в новом обществе.

Эксперимент, который над Шариком провел профессор Преображенский, можно трактовать как любой вид социального эксперимента, которым исследователи и изобретатели пытаются создать нечто новое. Садыхова утверждает: “свершившаяся в России революция явилась не столько результатом естественно-поступательного духовного развития общества, сколько безответственным, авантюрным и преждевременным экспериментом со стороны большевиков” (Садыхова 2007: 67). Таким образом, некоторые исследователи увидели в Преображенском и Борментале Ленина и Троцкого, а в Шарикове Сталина (Иоффе, эл. публ.). Садыхова к этому добавляет: “Необходимо проделать длительный путь духовного развития, требуется труд по совершенствованию интеллекта, постепенное накопление знаний и расширение кругозора. (...) Насильственное вмешательство в природу человека приводит к катастрофическим результатам”, это значит, что Шариков не имел опыт культуры и традиции, он пропустил

часть эволюции и не мог реализовать весь потенциал человеческой духовной жизни (Садыхова 2007: 55).

Роль писателя в советской реальности отражается в роли профессора Преображенского в повести. Булгаков своими произведениями отвечает на литературу пролетарских писателей, которые считали, что только они умеют правильно изображать действительность в своих произведениях (Шилова 2005). Но то, что они описывают является на самом деле неестественным, их пролетарский “сверхчеловек” является неживым героем и поэтому можно утверждать, что они не изображают реальность, а создают своеобразную псевдореальность, мифологизированную реальность. Булгаков не отрицает значение рабочего класса, а видит два его слоя: истинными работниками он видит не Швондера и Шарикова, а повариху Дарью Петровну, горничную Зину и швейцара Федора, которые работают с усердием, и профессор и доктор Борменталь уважают их (Шилова 2005). Второй слой – это Шариков и Швондер, которые только говорят о правах и значимости пролетариата, но им не хочется работать. В повести *Собачье сердце* сатира направлена именно против этой части общества, которой противопоставляет интеллигенцию: “На первый план Булгаков выдвигает честных представителей научной интеллигенции, которые ставят смелые и необычные опыты” (Садыхова 2007: 68). Вместе с трудом рабочего класса, Булгаков указывает на то, что можно “поставить науку на службу советскому обществу” (Садыхова 2007: 47). Этой группе принадлежат и писатели, а Булгаков становится более реалистическим писателем, чем были писатели социалистического реализма, и в то же время Булгаков высмеивает ими созданную реальность.

3. Жанровая проблема повести *Собачье сердце*

3.1 Сатирическая повесть

Повесть *Собачье сердце* является сатирическим произведением. С этим согласны почти все исследователи и булгаковеды (С. Садыхова, Е. Яблоков и пр.).

Чтобы вызвать смех и построить юмористическую ситуацию, сатира использует иронию или сарказм: “важнейшим критерием иронии является принцип ‘нечто через противоположность’ (или с оглядкой на эту противоположность) (...) сарказм

подразумевает крайнюю степень отрицательного отношения, переходящего в негодование” (Хабибьярова 2015: 237). Иными словами, ирония является скрытой насмешкой, которая указывает на какие-либо неправильности, которые в данном контексте являются смешными. С другой стороны, сарказм проявляет некоторую степень жесткости, он может выражать острую критику какого-либо события, ситуации, поведения персонажа и т.д.

Можно сказать, что в *Собачьем сердце* использованы и ирония и сарказм. Критика жизни в Москве 1920-х годов тонкая и эвфемистическая, когда ее высказывает собака, а потом она становится откровенной и острой, когда ее высказывает профессор Преображенский. Хабибьярова определила это сочетание как саркастическую иронию, т.е.: “обличение несовершенства жизни и мира, вызывающего негодование” (Хабибьярова 2015: 237). Но некоторые исследователи говорят, что “булгаковские представления о сатире можно назвать классическими: сатирик негодует по поводу несовершенства текущей жизни, которая художественно обличается” (Анатольевна 2017: 61).

В самом начале повести бездомная собака Шарик принимает на себя роль рассказчика. Повар столовой плеснул в Шарика кипятком и в боли Шарик жалуется: “Какая гадина, а еще пролетарий! (...) Дворники из всех пролетариев – наигнуснейшая мразь. Человечьи очистки, низшая категория” (Булгаков, эл. публ.). Критика идет в адрес пролетариев, которые становятся главными антагонистами целой повести, уже собака, которая живет вне человеческого общества и норм, имеет особое представление об этих людей, и оно довольно плохое. Собака становится очень информированной, дает неожиданный взгляд на жизнь машинистки, ее отношения с любовником, маленькую зарплату, ей на кино не хватает, а кино “у женщин единственное утешение в жизни” (Булгаков, эл. публ.). Ирония вызывает немного смешной эффект, потому что становится, что даже собака видит то, что какая-то в державе русской гниль.

Все ситуации, которые описаны с точки зрения Шарика проходят процесс остранения, которое деавтоматизирует восприятие текста произведения. Таким способом обычные ситуации являются необычными и подчеркивается их неестественность, которую иначе приняли бы как норму. Обыкновенная анестезия перед операцией Шарика описана следующими словами: “Тяпнутый, не сводя с пса настороженных дрянных глаз, высунул

из-за спины правую руку и быстро ткнул псу в нос ком влажной ваты. Шарик оторопел, в голове у него легонько закружилось, но он успел еще отпрянуть. Тяпнутый прыгнул за ним и вдруг залепил всю морду ватой” и в таком виде поступок доктора Борменталья выглядит достаточно грубо (Булгаков, эл. публ.). Такой способ описания является ответом на советскую пропаганду, которая представляла нелепые и даже тревожные жизненные ситуации как норму, но для человека с здравым рассудком и хорошей логикой эти ситуации абсурдны и комичны, и от писателя не нужно много приукрашивания (Шилова 2005).

Критика возникает на фоне противоположностей и оппозицией пролетарию Швондеру является профессор Преображенский. Зачатки конфликта являются при первом появлении профессора: “Именно гражданин, а не товарищ, и даже вернее всего – господин” (Булгаков, эл. публ.). Этот самый конфликт углубляется отношением между Преображенским и Шариковым, другими словами: “коллизия между профессором Преображенским и новоявленным пролетарием Шариковым отражают конфликт двух антагонистических типов сознания: европейского, гуманистического и революционно-коммунистического, антигуманистического типа” (Менглинова 2006: 140). Председатель домкома Швондер старался возбудить бунт Шарикова против профессора, а профессор как представитель дореволюционного прошлого и старой интеллигенции старается культурой, порядком и трудом устроить нормальную и хорошую жизнь.

Несмотря на то, что Шариков принял сторону Швондера, он все равно не понимает совсем идеологию, которую представляет. Как было упомянуто выше, Шариков не имеет опыт, он не развитый духовно, и поэтому он не понимает, что же такое идеология: “Да что тут предлагать... А то пишут, пишут... конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять все да и поделить” (Булгаков, эл. публ.). Профессор Преображенский над этим смеется, с правом, “Так вырабатывается психология ‘нового’ человека, с особой сатирической остротой раскрытая автором в образе новоявленного недоросля” (Садыхова 2007: 56).

Сатирически использован и музыкальный фон в повести. Профессор Преображенский описывается слишком торжественно: “В белом сиянии стоял жрец и сквозь зубы напевал про священные берега Нила. Только по смутному запаху можно было узнать, что это Филипп Филиппович. Подстриженная его седина скрывалась под белым

колпаком, напоминающим патриаршую скуфейку. Жрец был весь в белом, а поверх белого, как епитрахиль, был надет резиновый узкий фартук” (Булгаков, эл. Публ.). Садыхова пишет, что даже Преображенский сатирически описан как божество (Садыхова 2007). Что касается стихов из оперы *Аида*, они одновременно указывают на культуру профессора Преображенского и иронизируют ситуации, в которых профессор поет. Опера как знак культуры, серьезного и высокого, у Булгакова не сохраняет свою высоту (Яблоков 2001).

От самой тонкой насмешки до острой критики общества, как и в остальных московских текстах Булгакова, исследователи обнаружили недовольство ситуацией на всех уровнях произведения, даже в названиях и отдельных использованных словосочетаниях: “Революционный соблазн, охвативший нацию, осознается Булгаковым как чудовищная болезнь национального духа. Именно поэтому история становления сознания Шарикова называется ‘историей болезни’, а сама повесть о фантастической революционной истории в советской стране носит подзаголовок ‘чудовищная история’” (Менглинова 2006: 141).

3.2 Социально-философская повесть

Работа и эксперимент профессора Преображенского, дают возможность исследовать повесть *Соба́чье сердце* как “социально-философскую сатиру” (Менглинова 2006: 138). Проблема классового порядка, как обнаружили выше, является важной сатирической темой, но кроме деления на классы и споры между ними, социальная проблематика охватывает и деятельность человека внутри общества. Именно поэтому повесть *Соба́чье сердце* можно определить и как социально-философскую повесть.

В *Соба́чьем сердце* главной проблемой является человеческая природа и ее несовершенство. Омоложение людей органами животных несет оттенок гротеска, но в целом деятельность Преображенского связана с проблемой медицины и ее задачи. Для Булгакова характерен мотив врача, который старается делать все как можно лучше для человечества, т.е. старается помочь обществу. Ответственность врача, задача и желание помочь людям, столкнулись с вопросом общего добра и поведения в соответствии с моралью. Преображенский сказал: “Я заботился совсем о другом, об евгенике, об

улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался! Неужели вы думаете, что я из-за денег произвожу их? Ведь я же все-таки ученый...” (Булгаков, эл. публ.).

Эту проблему Садыхова трактует следующим образом: “Сама сатира, ставшая постоянной спутницей Булгакова-художника, в повестях *Роковые яйца* и *Собачье сердце* приобрела глубокий социально-философский смысл” на уровне, на котором и профессор Преображенский и читатель могут спорить о том, где границы науки, искусства, гения и морали (Садыхова 2007: 43). Сам Преображенский погружен в эти проклятые вопросы, но он решает, что несмотря на все, нельзя переходить границы моральных норм (Шилова 2005). Профессор думает об этом, даже когда совершенно падает в пассаизм, “стремление к отказу от будущего”, увидев, что прошлое нельзя вернуть, а для будущего невозможно ничего сделать, чтобы оно стало лучшим (Яблоков 2001: 32).

То, что Шарик превратился в Клима Григорьевича Чугункина в повести объясняется работой гипофиза в организме: “В действительности открытие существует только в воображении Булгакова: гипофиз не определяет человеческий облик, а обеспечивает гормональный баланс в организме. Но в фикциональном мире булгаковской повести, возможно, всё иначе” и не надо называть это алогизмом (Флоря 2006: 158). Этот факт говорить не о невежестве Булгакова, а о том, что неважно что изменило природу Шарика, гипофиз, гормоны, могло вместо того стоять любое слово и орган, а то, что у Шарикова (Чугункина) нельзя было переменить – образ мыслей: “Человек есть то, что он есть, его природа – неразрывное единство достоинств и недостатков, высокого и низменного – была, есть и пребудет неизменной, поэтому возможные изменения могут произойти лишь в результате его личного участия, личного усилия к моральному совершенствованию”, а Шариков не имел никаких намерений переменить свое поведение (Фомин 2016: 30).

Философская проблематика не заключается только в том, что герои находятся в “морально-философских коллизиях”, а и в том, что философия и мотивация определенного героя влияют на то, как читатель будет трактовать его поступки (Яблоков 2001: 14). Конечно, роль героя в этом существенная: “активно действует герой-идеолог, которого писатель наделяет резонерской функцией, сосредоточивая внимание на его микромире и выделяя сущность индивидуума через его связи с прошлым и будущим

человечества, материальной и духовной культурой цивилизации” (Петишев 2015: 144). В повести эту роль выполняет профессор Преображенский.

3.3 Фантастическая повесть

Павел Горохов считает, что “фантастика вообще часто несет в себе мощный мистический подтекст, а фантастика Булгакова – в особенности. Он сам говорил о себе, что является писателем мистическим” (Горохов 2004: 5). Мистика в своей сущности связана с религией и религиозной практикой, с другой стороны, фантазмагория – “нечто нереальное, призрачное”, т.е. видение (Епишкин, эл. публ.).

Фантастика в литературе обозначает “ясно ощущаемое нарушение художником естественных форм, причинных связей, закономерностей природы” и более всего последний компонент соответствует повести Булгакова (Фриче, эл. публ.). Закономерность природы нарушается операцией над Шариком и его преображением в существо вроде человека. Но в произведении фантастика возникает внутри реально созданного мира, поэтому можно говорить о фантастическом реализме (представителем которого является Н. Гоголь), который предполагает ирреальные, сверхъестественные мотивы.

Кроме операции над Шариком, фантастика является возможным ответом на литературу пролетариата, в то время как жизнь в новом советском государстве – триумфальное движение к общему счастью, то для Булгакова такая жизнь зловещая фантазмагория (Шилова 2005). В таком виде фантастика в повести *Собачье сердце* связана с “исследованиями ученых-естественников и политическими доктринами” (Яблоков 2001: 53). Но фантастика связывается с сатирой и усиливает бытовой пласт повести, ее актуальность, как замечает Садыхова: “Писатель умело обобщил характерные приметы своего времени, удачно используя для этого и элементы фантастики” (Садыхова 2007: 51). Сатира настолько переплетается с фантастикой, что иногда трудно “правильно обозначить границу между высмеиванием отдельных недостатков и осмеянием самой системы” (Ушакин 2013: 9). *Собачье сердце* колеблется между смехом и ужасом, сатирой и фантастикой.

4. Заключение

В заключении можно сказать, что повесть *Собачье сердце* является и сатирической повестью, и социальной-философской повестью, но одновременно и фантастическим произведением. *Собачье сердце* иронизирует социальную ситуацию 1920-х годов, анализирует ее сквозь антропоморфизм собаки и размышления главного героя Преображенского – представителя старой интеллигенции и культуры, которая исчезает. Политическая актуальность, т.е. большевизация общества и рождение нового типа человека подвергаются язвительной сатирической насмешке в повести Булгакова. В то же время повесть поднимает вопрос о нравственности научных достижений и о возможности воспитания нравственности.

Булгаков использует фантастические элементы, благодаря которыми он сумел задержать внимание читателя. Нам кажется, что фантастика только усиливает реалистическую основу сатиры.

Повесть *Собачье сердце* затрагивает излюбленные темы Булгакова, как добро и зло, власть и свобода, правда и ложь. Несмотря на философский пласт произведения, *Собачье сердце* является, прежде всего, “прекрасным образцом политической сатиры” (Садыхова 2007: 46).

5. Литература

Анатольевна, Т.Ф. *“Мастер и Маргарита” М. Булгакова: возвращение к сатире как жанру в свете теории сатиры М. Бахтина.* [Текст] // Вопросы русской литературы. 2017. № 3-4. С. 60-74.

Булгаков, М. *Собачье сердце.* Русская историческая библиотека, 2020 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3084-bulgakov-sobache-serdtse-polnyj-tekst#top> (Дата обращения: 12.05.2020.).

Горохов, П.А. *Историческая фантастика Михаила Булгакова. Опыт философского прочтения.* [Текст] // Вестник ОГУ. 2004. № 4. С. 4-9.

Епишкин, Н.И. *Исторический словарь галлицизмов русского языка.* - М.: Словарное издательство ЭТС. 2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://gallicismes.academic.ru/39448/%D1%84%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%81%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F> (Дата обращения: 13.06.2020.).

Иоффе, С. *Тайнопись в «Собачьем сердце».* [Электронный ресурс] Режим доступа: https://bylgakov.ucoz.ru/index/s_ioffe_tajnopis_v_sobachem_serdcce/0-44 (Дата обращения: 09.07.2020.).

Менглинова, Л.Б. *Апокалиптический миф в сатирической прозе М.А. Булгакова.* [Текст] // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. С. 138-143.

Петишев, А.А. *Философский роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”* [Текст] // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) # 5 (14), 2015. С. 143-145.

Садыхова, С.А. *Творчество М. Булгакова – сатирика.* Баку: Адильоглу. 2007. С. 43-68.

Ушакин, С. *Смехом по ужасу: о тонком оружии шутов пролетариата.* Новое литературное обозрение 121. 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/oushakine/files/120-31548750.pdf> (Дата обращения: 09.07.2020.).

Флоря, А.В. *Алогизмы в “Собачьем сердце”*. [Текст] // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология» 2006. № 5 (2) С. 155-162.

Фомин, А.Ю. *Философские аспекты прочтения художественного произведения: смысл названия повести М.А. Булгакова “Собачье сердце”*. [Текст] // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 8, Литературовед. 2016. № 1 (15) С. 29-34.

Фриче, В.М. *Литературная энциклопедия. — В 11 т.*; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929-1939.

Хабибьярова, Э.М. *Саркастическая ирония в повести М. Булгакова “Собачье сердце”* [Текст] // Вестн. Ом. ун-та. 2015. № 1. С. 237-240.

Шилова, И. *Reflections of soviet reality in “Heart of a dog” as Bulgakov’s way of discussion with the proletarian writers*. New Zealand Slavonic Journal, 2005, Vol. 39 (2005), С. 107-120.

Яблоков, Е.А. *Художественный мир Михаила Булгакова*. Москва: Языки славянской культуры. 2001. С. 12-78.

Sažetak

Završni rad *Художественное своеобразие повести “Собачье сердце”* bavi se analizom pripovijesti *Pseće srce* Mihaila Bulgakova s ciljem pronalaženja i definiranja specifičnosti Bulgakovljeve proze. Izdvajaju se problemi političke aktualnosti djela i načina na koji je ona utkana u pripovijest, ali i specifičnih “bulgakovljevskih” likova (intelektualac, stara inteligencija, proleterski tip i sl.). Značajan dio rada posvećen je žanrovskoj slojevitosti, a samim time i neodredivosti djela. Naime, *Pseće srce* je i satirička pripovijest i socijalno-filozofsko djelo i fantastična pripovijest. Elementi svakog pojedinog žanra dokazuju se odgovarajućim primjerima iz djela.

Ključne riječi: Bulgakov, *Pseće srce*, satira, politička satira, socijalno-filozofska pripovijest, fantastika, fantastični realizam.

Ключевые слова: Булгаков, *Собачье сердце*, политическая сатира, сатира, социально-философская повесть, фантастика, фантастический реализм.

Kratki životopis

Zovem se Maja Tomiša. Rođena sam 22. lipnja 1997. u Zagrebu. Pohađala sam Prirodoslovno-matematičku gimnaziju u sklopu Gimnazije Velika Gorica. 2016. godine upisala sam studij Kroatistike i Ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu.